

"В твою руку попала инфекция", - сообщила мадам Помфри Ремусу, который в данный момент пытался не заплакать от боли. Ему было одиннадцать лет - практически мужчина, а мужчины не плачут. "Все очень плохо, и это говорит медсестра, которая повидала немало ужасных травм".

"Обычно для развития инфекций требуется больше времени", - напомнил ей Ремус.

"Кто целитель, я или ты?" - спросила мадам Помфри. "Поверь мне, она заражена. А оборотни ядовиты - вы это знаете. Магия не всегда помогает".

Ремус кивнул и снова посмотрел на свою руку. Она действительно выглядела ужасно. "Так... что мне теперь делать?"

"Делать? Ничего. Поскольку это проклятие, я не смогу вылечить это очень быстро. К сожалению, нам нужно дать ему пройти. Так что ты останешься в лазарете по крайней мере до среды".

"В среду? "Но... Мадам Помфри, это же через четыре дня!"

"И?"

"Полнолуние было в четверг! Я пробуду здесь почти неделю!"

"И?"

"А я хочу идти на занятия!"

"Мне очень жаль, но ты здесь до среды", - сказала мадам Помфри. "И я попрошу тебя не жаловаться, поскольку я делаю все, что в моих силах".

Несмотря на то, что ему было уже одиннадцать лет и он был практически мужчиной, Ремус зажал рот и почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Он был неблагодарным, он был упрямым и неуважительным, и в довершение всего ему предстояло пропустить столько занятий. Жизнь была ужасна.

"Не плачь", - сказала мадам Помфри, ее голос стал немного мягче. "Все будет не так уж плохо. Я хороший собеседник, верно?"

Ремус кивнул ей. "Я не хочу отставать", - справился он.

"Я знаю. И не будешь. Ты можешь читать столько, сколько захочешь, теперь, когда твоя

голова прошла. Все будет хорошо, Ремус. Это всего лишь пара дней".

От ее доброго тона Ремусу еще больше захотелось плакать. "Простите", - сказал он, вытирая глаза. Он чувствовал себя идиотом, разглагольствуя о чем-то столь несущественном. "Я просто устал. И расстроен. Я ненавижу это".

"Я тоже ненавижу это", - успокаивающе сказала мадам Помфри. Почему-то её слова не понравились Ремусу, он почувствовал себя беспомощным.

"Все не так плохо", - сказал он. "Я в порядке. Я справлюсь с этим. Я не хотел вас волновать".

Мадам Помфри улыбнулась и полезла в карман, достала две пробки и опустила их в банку. "Первая - за твоё извинение", - сказала она, к ужасу Ремуса. "А вторая - за "я в порядке". Кроме того, я добавляю в этот список "все не так уж плохо", "я разберусь с этим" и "я не хотел твас волновать"".

Ремус застонал. "Но мадам Помфри, я в смятении! И болен! И у меня было сотрясение мозга пару часов назад! Разве мы не можем оставить это без внимания... только на этот раз...?"

"Я думала, ты сказал, что все не так уж плохо", - сказала мадам Помфри с блеском в глазах. "Так что, действительно, у тебя нет оправдания".

Ремус молча надулся, но не смог сдержать улыбку на лице. Он не знал, почему это кажется ему таким смешным. Возможно, он был просто болен и бредил. "Вы не видели Буфо?" - спросил он, и мадам Помфри выглядела немного виноватой.

"Э, да".

"Где он? Что с ним?" Ремус резко вдохнул и почувствовал его запах. Он замер. Это было оно: легкое дыхание Буфо, биение сердца и лягушачий запах. "Он... у вас в кармане?"

Мадам Помфри поджала губы и потянула его к себе. "Ну, когда Блэк и Поттер принесли тебя сюда в четверг, Петтигрю взял твою сумку... он сказал, что ты часто берешь её с собой, когда тебе нужно "навестить свою мать". Твоя жаба, должно быть, запрыгнула в мой фартук, пока ты...".

"Разрывал мебель и раздирал себя когтями", - сказал Ремус, и мадам Помфри выглядела немного удивленной.

"Похоже, профессор Квестус немного повлиял на тебя", - сказала она. "Ну да... Я торопилась утром и не заметила, что твоя жаба была там. И я была... напряжена, и..."

"И вам нравилось, когда он был рядом!" - воскликнул Ремус. "Ха, я так и знал!"

"Я знаю, что должна была сказать тебе или вернуть его через камин", - сказала мадам Помфри.

"Все в полном порядке", - сказал Ремус. Он чувствовал себя значительно бодрее. "Я знал, что вы тайно любите жаб".

Мадам Помфри все еще выглядела немного расстроенной - она даже не заметила промашку Ремуса с "все в порядке". "Нет, не все в порядке. Ты уже волновался, и я должна была тебе сказать. Мне очень жаль, Ремус... Боюсь, в последнее время я была безответственна".

"Что вы имеете в виду?"

"Мне не следовало оставлять тебя. Я была единственной, кто имел хоть как-то лечил тебя. Это было совершенно неприемлемо".

Подобные ненужные извинения раздражали. Ремус записал это на будущее. "Я был бы в порядке", - сказал Ремус. "Никто не умирает только от того, что он оборотень".

Мадам Помфри посмотрела на него. "Это неправда".

"Нет, это..." Ремусу очень не хотелось говорить об этом, но он чувствовал, что мадам Помфри имеет право знать. "Думаю, люди умирают от самих превращений, но сейчас я уже не боюсь - только первые несколько превращений иногда опасны. Я уже адаптировался. А люди умирают от вещей, связанных с оборотнями, например, от предрассудков, Министерства, бездомности и прочего. Но оборотни не кончают жизнь самоубийством в полнолуние или что-то в этом роде. Они... Я... знаю, в полнолуние, что убьет меня, и я очень осторожен, чтобы не сделать этого. Потому что я знаю, даже в полнолуние, что если я умру, то я... не получу того, чего хочу".

"Это смешно..."

.....

"Нет, это не так. Я был бы в порядке, даже если бы вы оставили меня там на весь день. Мне бы понадобилось зелье, восстанавливающее кровь, конечно, но не надолго, и я бы смог пополнить ее запасы самостоятельно, если бы прошло несколько недель. Кровь оборотня - другое дело. Не похоже, что я был в критическом состоянии, и я бы вылечился сам, даже без нужных зелий. Ты мне там был не нужен". Ремус вдруг понял, что это прозвучало очень грубо. "Но с тобой я выздоравливаю гораздо быстрее", - робко добавил он. "И это менее болезненно".

Он чувствовал, как его лицо становится горячим, когда он описывал мыслительные процессы оборотня. Это было очень неловко - признавать, что это он причинил себе боль, что у него действительно есть вкус к крови в полнолуние, что время от времени он был чудовищем...

Иногда Ремусу казалось, что люди, знающие его - в том числе и его родители - склонны разделять Ремуса-личность и Ремуса-волка. Но на самом деле это было одно и то же. Полнолунный Ремус все еще был Ремусом, а не случайным волком. Ремус ненавидел признавать это даже самому себе.

Однако мадам Помфри не выглядела обеспокоенной или осуждающей; она только казалась любопытной. "Откуда вы знаете, что именно вас убьет, а что нет?" - спросила она.

Ремус пожал плечами. "Инстинкт", - пробормотал он. Почему, ох почему, было гораздо труднее обсуждать такие вещи с мадам Помфри, чем с Квестусом?

"Это полезно, спасибо", - сказала мадам Помфри. "Так я чувствую себя намного лучше. Хотя..." Она опустила две крышки в банку. "Вы сказали запретное слово. Дважды".

У Ремуса открылся рот. "Но теперь это двадцать пять дополнительных минут!"

"Они вам понадобятся", - сказала мадам Помфри. "Теперь я знаю, что вам будет очень скучно. Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится в библиотеке... и, конечно, вы можете вернуть Буфо".

"Ты уверена, что не хочешь его?" - спросил Ремус, на его лице появилась лукавая улыбка. "Я думаю, ты ему нравишься".

Мадам Помфри преувеличенно вздрогнула. "Положительно. Я провела достаточно времени с этой жалкой тварью".

Ремус улыбнулся. Она лгала. Ей действительно нравился Буфо, он был в этом уверен.

В этот момент мадам Помфри услышала, как в главную палату вошел студент, и Ремус был предоставлен сам себе. Буфо прыгал у него на коленях, явно радуясь встрече. "Я скучал по тебе, Буфо", - сказал Ремус. "И ты пропустил очень интересный день. Я отлично провел время".

Буфо скептически посмотрел на него.

"Ну, вообще-то это было довольно ужасно. Но Квестус хороший".

Буфо недоверчиво посмотрел на него.

"Приятно - это не то слово. Но в основном мне было комфортно".

Буфо не выглядел убежденным.

"Настолько комфортно, насколько это было возможно. Послушайте, это было насыщенно событиями".

Буфо, казалось, был удовлетворен этим, и он прижался к груди Ремуса, когда Ремус достал книгу стихов, чтобы расслабиться.

После обеда Ремус уснул. Он спал довольно хорошо: не было ни нависших над ним окон, ни храпящих соседей по общежитию, ни видений волков, преследующих его сны. После очень крепкого сна он проснулся от того, что рядом с его кроватью стояла мадам Помфри и хмурилась. "Что случилось?" - спросил он ее, и она слегка отпрянула назад от удивления.

"Как долго ты не спишь?".

"Я только что проснулась".

"Ваша рука не заживает так, как должна, вот и все".

Ремус огляделся. Мадам Помфри развернула его, пока он спал, и зрелище было еще более жутким, чем раньше. "Но я ведь все еще могу уйти в среду?"

Мадам Помфри слегка улыбнулась. "Если к тому времени вы поправитесь. Я знаю, что вы считаете часы".

"Скорее, отсчитываю секунды". Ремус откинулся назад; тут же он почувствовал, как боль пронзила его руку и прошла по плечу. Он слегка вскрикнул.

"Было больно?" спросила мадам Помфри.

"Ну... немного. Это только удивило меня, вот и все". Он немного сдвинулся, как бы доказывая, что может двигать рукой, не испытывая боли. Это не сработало, и он издал еще один небольшой звук. "Нет, это больно", - признался он.

"Мне очень жаль", - сказала мадам Помфри. "Я не могу дать вам больше Обезболивающего зелья. Вчера у вас его было достаточно".

"Это..." Ремус почти сказал "хорошо", но потом вспомнил о банке и передумал. "То есть, я понимаю. Мне это не нужно. Я просто должен быть очень спокойным". О, черт возьми, теперь все болело. Его шея болела. Болели ноги. А его рука чувствовала себя так, словно ее полностью отрезали тупым лезвием.

Он думал о трансформации: о скручивании и щелканье костей, об ужасной, невыносимой боли. Это было ничто, верно? Это было ничто. Он почувствовал, что его дыхание замедлилось, и

поднял глаза на мадам Помфри. "Не могли бы вы передать мне мой учебник по зельям?" - спросил он. "Он должен быть в моей сумке".

"Вы уверены, что находитесь в том состоянии, чтобы перелистывать страницы?"

"Да, мадам Помфри. Конечно". Он должен был доказать, что с ним все в порядке. Он должен был преодолеть это. В конце концов, это была всего лишь физическая боль; она не была такой уж ужасной. Это было как вызов.

Мадам Помфри осторожно положила учебник ему на колени. "Теперь не надо..."

"Переусердствовать". Да, я знаю. Я всего лишь читаю". Ремусу вдруг стало стыдно за то, что он разговаривал с мадам Помфри. "Большое спасибо", - сказал он.

"Конечно, Люпин. Я просто делаю свою работу".

Ремус открыл учебник правой рукой и постарался не обращать внимания на ужасную боль, пронзившую его нервы.

В тот вечер у него был ужасный жар. Мадам Помфри пыталась унять его с помощью зелий, но ничего не помогало. "Это проклятие", - объяснил Ремус. "Я буду в порядке, когда оно пройдет". И, как он напоминал себе снова и снова, он действительно не должен был жаловаться, поскольку боль от превращения была совсем не такой сильной. Но все равно было довольно неудобно, и в итоге он вспотел в пижаме, и ему пришлось снова переодеваться. Без странного, частичного онемения, вызванного Обезболивающим зельем, он мог прекрасно справляться с пуговицами. Однако мадам Помфри добавила в банку еще одну крышку за произнесение запретного слова, и это было прискорбно.

В семь тридцать ему было очень холодно. Мадам Помфри принесла ему еще одно одеяло, и он надел гриффиндорский шарф своего отца. Запах отца уже давно выветрился, но он по-прежнему чувствовал себя в нем как дома. Мадам Помфри сказала ему, что он выглядит очень празднично.

В семь сорок пять профессор Квестус доставил письмо от мамы Ремуса, оставленное утром в Большом зале. Ремус поблагодарил его, внезапно почувствовав себя немного неловко в своем гриффиндорском шарфе. Однако Квестус только хмыкнул и снова ушел, сказав, что Ремус еще недостаточно хорошо выглядит, чтобы просмотреть записи по защите за этот день.

Мадам Помфри, очевидно, сказала матери Ремуса, что это было особенно тяжелое превращение. Ремус знал свою мать достаточно хорошо, чтобы понять по почерку, что она в панике. Ремус немедленно написал ответное письмо: успокоил ее, сообщил, что с ним все в порядке (как выяснилось, это слово не принесло ему крышку в банке), и подробно описал забавные вещи, которые рассказал ему Квестус. Однако он не стал посвящать ее в подробности. Он сказал, что сделает это позже, но у него не было намерения делать это в том

объеме, которого ожидала его мать. Она вообще не любила много говорить об оборотнях.

Теперь у Ремуса была внушительная стопка писем от мамы и папы, и он хранил их в маленьком фотоальбоме в своей сумке. Он сильно заколдовал фотоальбом и был уверен, что никто из его друзей не сможет получить к нему доступ.

В восемь пятнадцать Ремусу было очень жарко. Он выпил четыре стакана воды, несмотря на странные ощущения в животе, а мадам Помфри принесла ему прохладную салфетку для лица. Однако, несмотря на ее протесты, Ремус не снял свой гриффиндорский шарф.

В девять профессор Дамблдор вошел в главную палату, чтобы поговорить с мадам Помфри. "Как Ремус?" - приятно спросил он. "Я слышал, что в этом месяце ему пришлось нелегко. Джон Квестус склонен к болтовне".

"Очнулся", - сказала мадам Помфри очень бодрым тоном. "Инфицированная рана. Он пробудет здесь по крайней мере до среды".

Ремус услышал шаги и вытер пот с лица как раз перед тем, как вошел Дамблдор. "Добрый вечер, Ремус", - сказал Дамблдор. Он даже не вздрогнул при виде, вероятно, ужасного вида Ремуса. "Мне очень нравится твой шарф".

"Спасибо, профессор", - пробормотал Ремус. "Откуда вы узнали, что мне нездоровится?" Конечно, он слышал утверждение Дамблдора о том, что Джон Квестус склонен к болтовне, но ему хотелось узнать, насколько подробно Квестус описал травмы Ремуса. Кроме того, всегда было немного унижительно признавать, что его органы чувств достаточно хороши, чтобы услышать тихий разговор из комнаты с толстой дверью.

"О, я много чего слышал", - легкомысленно ответил Дамблдор. "Например, на днях я узнал, что ваши друзья Джеймс Поттер, Сириус Блэк и Питер Петтигрю в течение следующих трех недель будут каждый день сидеть под стражей. Очевидно, они не могут сдержаться от того, чтобы... пообщаться... со своими профессорами".

Ремус слегка хихикнул. "Да, я знаю".

"А я слышала накануне, что вы с профессором МакГонагалл устроили что-то вроде соревнования".

"Я побеждаю", - похвастался Ремус.

Дамблдор улыбнулся. "Забавно, она говорила мне совершенно противоположное. А знаете, что я слышал совсем недавно?".

"Нет, сэр".

"В ночь перед полнолунием в Хогсмиде были замечены два мальчика, слонявшихся без дела".

Сердце Ремуса упало. "Они были?"

"Да. У одного были очки и очень грязные волосы. У другого был гриффиндорский галстук и очень аккуратные волосы. Вы случайно ничего не знаете об этом?"

"Вовсе нет, сэр". Ремус почувствовал нотку паники. Он был оборотнем; у него не было свободы нарушать правила, как у его друзей. Персонал и так уже переживал из-за него столько неприятностей. Ему действительно следовало вести себя прилично. Это, он был уверен, станет последней каплей, и тогда его выгонят. Он встретился взглядом с голубыми глазами Дамблдора и вдруг ощутил очень знакомое чувство.

"Нет, остановитесь!" - резко сказал он, его голос был более паническим, чем он намеревался. Дамблдор тут же остановился. "Ты... ты Легилименс? Ты не можешь делать это без разрешения!"

Дамблдор выглядел немного раскаявшимся. "И у тебя не было разрешения идти в Хогсмид", - напомнил он Ремусу.

"Я... простите, но... но мне нравится контролировать свой разум, большое спасибо!".

Дамблдор выглядел сейчас очень виноватым, и Ремус чувствовал себя ужасно из-за того, что заставил его так себя чувствовать. Но это было несправедливо, напомнил он себе. Дамблдор не имел права. Он уже видел достаточно воспоминаний Ремуса, уже слишком много знал о его прошлом... Ремус принадлежал Ремусу, а не Дамблдору, не Квестусу, не мадам Помфри... Его воспоминания принадлежали ему и только ему, и он мог делиться ими по своему усмотрению.

"Мне очень жаль, Ремус", - сказал Дамблдор, и его слова прозвучали искренне. "Обычно студенты вашего возраста не замечают".

Ремус был... не зол, но крайне раздражен, и лихорадка не способствовала этому. "От этого не лучше. Это делает хуже. По крайней мере, люди должны знать".

"Вы правы, конечно. Ваша мораль, похоже, гораздо более чистая, чем моя". Дамблдор немного грустно улыбнулся. "Вы можете мне поверить, что я не сделаю этого снова - ну, не специально. Это моя привычка. Простите за хвастовство, но я умею делать это довольно легко с самого раннего возраста. Иногда я даже не осознаю этого, это просто естественное средство общения для меня на данный момент. Я думаю, что вы сделали то же самое".

Ремусу стало немного стыдно; он не понял, что это случайность. И все же, сказал голос в глубине его сознания, это было несправедливо. "Я не Легилименс, сэр", - сказал Ремус.

"Возможно, нет. Но правильно ли я понимаю, что вы используете свои усиленные чувства, чтобы иногда подслушивать? Без ведома других?"

Ремус погладил пальцами простыню. "Я стараюсь этого не делать". Это была неправда. "Не очень часто." Это тоже было неправдой. "Я ничего не могу с этим поделать". Это было правдой лишь иногда. "Да, ты права", - наконец признал он, - "но это не одно и то же".

"Правда?" Дамблдор задумчиво потянул себя за бороду. "Моя точка зрения остается в силе, я думаю. Но и вы, конечно, правы. Забавно, не правда ли, как два человека могут быть правы в одно и то же время. Многие люди, похоже, этого не понимают". Дамблдор бесшумно вызвал стул и сел. "Возвращаясь к вопросу о Хогсмиде: я не уверен, как вы попали туда незаметно, но факт остается фактом. Почему?"

"Я... ну..." Ремус решил сказать ему правду. У него было подозрение, что Дамблдор поймет, если он лжет - даже если он не просматривает мысли Ремуса. "Мои друзья подумали, что, возможно, это был оборотень в... в Визжащей хижине, поэтому я сказал им, что первого ноября будет полнолуние... и я постарался пойти с ними, чтобы они не заподозрили меня".

Дамблдор выглядел впечатленным. "Очень, очень умно. Должен сказать, это план, достойный меня самого. Однако, если бы вы подождали... мои меры безопасности блестящи, не забывайте. Я полагаю, что предстоящий "Ежедневный пророк" - когда-нибудь в течение следующих нескольких недель - устранил все подозрения, связанные с ликантропией. И вы могли бы прийти ко мне. Моя дверь, в девяти случаях из десяти, образно говоря, открыта".

"Да, сэр".

"И я собираюсь попросить вас... держать своих друзей под контролем, когда это возможно. Я верю, что вы достаточно ответственны, чтобы сделать это. Сможешь сделать это для меня?"

"Да, сэр".

"Очевидно, что пребывание на холоде всю ночь не пошло тебе на пользу. Если ты не начнешь быть более осторожным, то в итоге будешь проводить больше времени в Больничном крыле, чем на улице".

"Да, сэр. Простите, сэр".

"Вовсе нет. И, пожалуйста, помните, что Хогсмид может быть опасным местом. Я попрошу вас не возвращаться туда, пока вы не получите подписанное разрешение на третьем курсе. Мой брат живет там, вы знаете, так что я буду знать, если вы это сделаете. Он склонен к бессоннице и находит, что созерцание снега успокаивает его. Между нами говоря, я думаю, что он не спит специально, чтобы искать заблудших студентов Хогвартса. Я считаю, что он пытается добиться моего увольнения".

"Это не очень хорошо", - сказал Ремус в ужасе.

"Учитывая, что я однажды практиковал на нем приворот Бэт-Боги, когда мы были молоды, я бы сказал, что это адекватная месть". Дамблдор достал из кармана небольшой предмет. "Хотите шоколадную лягушку?"

"Нет, спасибо, профессор. Значит... значит, меня не исключат?"

"Исключили за что?" Дамблдор развернул шоколадную лягушку и сунул ее в рот. "Я склонен испытывать случайные приступы амнезии. Насколько я знаю, ты никогда не делал ничего плохого в своей жизни". Прежде чем Ремус успел ответить, Дамблдор подмигнул и вышел из комнаты.

Ремус был приятно озадачен.

<http://tl.rulate.ru/book/67209/1974097>